

Арсентьева И.И.

д.полит.н., в.н.с. Института философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург

БОЛЬШОЕ ЕВРАЗИЙСКОЕ ПАРТНЕРСТВО ПОСЛЕ 2020 ГОДА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРОЕКТА В ПОСТКАРАНТИННОМ МИРЕ

Ключевые слова: *Большая Евразия, Большое евразийское партнерство, пандемия, экономический кризис, Евразийский экономический союз, Экономический пояс Шелкового пути, Россия, Китай, США.*

Keywords: *Greater Eurasia, Greater Eurasian Partnership, pandemic, economic crisis, Eurasian Economic Union, Silk Road Economic Belt, Russia, China, USA.*

Введение. Главной целью проекта Большой Евразии (Большого евразийского партнерства) является сопряжение интеграционных процессов на евразийском материке путем создания партнерств различных форматов. Считается, что термин «Большая Евразия» в его современном, политэкономическом, понимании ввел в научный дискурс эксперт брюссельского Центра европейских политических исследований М. Эмерсон. В 2013 г. в своей работе «На пути к Большой Евразии» он писал, что эта концепция охватывает страны в пределах евразийского суперконтинента, повестка дня которых в узком смысле включает вопросы развития смежных территорий (энергетические и транспортные коридоры, торгово-экономические отношения, трансграничные проблемы и т.д.), а в более широком смысле затрагивает сферы стратегической безопасности, политических идеологий, долгосрочных социально-экономических проблем и культурных ценностей¹.

Спустя два года эксперты Валдайского клуба С.А. Караганов и Т.В. Бордачев предложили использовать взамен устаревшей, по их мнению, концепции Большой Европы концепцию Большой Евразии. В трактовке С.А. Караганова, она представляет собой концептуальную рамку, задающую вектор взаимодействия государств континента посредством движения к новой геостратегической общности – общеевразийскому пространству развития, сотрудничества, мира и безопасности, призванному преодолеть оставшиеся от холодной войны расколы, предотвращать появление новых, регулировать разногласия и трения между участниками партнерства².

Данная концепция была взята на вооружение российскими властями. На официальном уровне Россия представила свое видение Большой Евразии в ходе Петербургского международного экономического форума в июне 2016 г. В своем выступлении российский президент В.В. Путин заявил, что Евразийский экономический союз может стать одним из центров формирования более широкого интеграционного контура – Большого евразийского партнерства с участием Китая, Индии, Пакистана, Ирана, других заинтересованных государств и объединений³. Схожие заявления неоднократно делал тогдашний президент Казахстана Н.А. Назарбаев. Но все же в большей степени это российский проект или, как определил его Т.В. Бордачев, «великий поход» Москвы за создание в регионе нового международного сообщества⁴.

Однако если отбросить в сторону теоретические разработки и декларируемые политические намерения, многие детали и практическая реализация проекта до сих пор остаются неясными. Кроме того, настоящей проверкой на прочность стал 2020 г. в связи с пандемией COVID-19. Жесткие карантинные ограничения, введенные по всему миру, нанесли серьезный урон торгово-экономическим и транспортным коммуникациям. В этой связи возникают сомнения, выдержит ли проект, реализация которого и так находилась под вопросом, испытание эпидемией, критически снизившей возможности выхода за пределы национальных границ.

Проект «Большая Евразия» в 2020 г. По мнению многих (прежде всего, российских) экспертов, ключевым вектором Большого евразийского партнерства должно стать сопряжение двух интеграционных полюсов – Евразийского экономического союза и китайского Экономического пояса Шелкового пути. Поэтому кратко рассмотрим, как называются на них введенные в связи с пандемией ограничения.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Договор, подписанный в 2014 г. Россией, Казахстаном и Белоруссией, а затем присоединившимися к организации Арменией и Киргизией, предполагает свободу движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Понятно, что при проведении противоковидных мероприятий по этим свободам был нанесен ощутимый удар. Согласно официальным данным, в странах Союза с января по сентябрь 2020 г. объемы гру-

¹ Emerson M. Towards a Greater Eurasia: Who, Why, What, and How? // Большая Евразия. – <http://gea.owasia.org/wp-content/uploads/2018/02/Towards-a-greater-Eurasia.pdf>

² Караганов С. От поворота на Восток к Большой Евразии // Россия в глобальной политике. – М., 2017. – 30 мая. – <https://globalaffairs.ru/articles/ot-povorota-na-vostok-k-bolshoj-evraziyi/>

³ Путин объявил о создании большого Евразийского партнерства // Российская газета. – М., 2016. – 17 июня. – <https://rg.ru/2016/06/17/vladimir-putin-anonsiroval-sozдание-bolshogo-evrazijskogo-partnerstva.html>

⁴ Бордачев Т. Большая Евразия: что еще не сделано? // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2019. – 30 декабря. – <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/bolshaya-evraziya-chto-eshche-ne-sdelano/>

зоооборота снизились на 6,6%, а пассажирские перевозки на 43,1% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года¹. Взаимная торговля «евразийской пятерки» в первом полугодии в стоимостном выражении сократилась на 14,1%, а внешняя торговля на 16,2% относительно первого полугодия 2019 г. Главной причиной стали карантинные ограничения, спровоцировавшие падение спроса на основные экспортные товары государств ЕАЭС. Например, в условиях сокращения транспортных передвижений снизился спрос на топливо. К тому же упали мировые цены на нефть; так, стоимость российской нефти снизилась более чем на 50% по сравнению с декабрем 2019 г.²

Еще одной крайне значимой проблемой для стран ЕАЭС стал миграционный вопрос. Введенные в рамках карантинных мероприятий ограничения на перемещение рабочей силы имеют множество негативных последствий как явных, очевидных уже сегодня, так и латентных, действие которых проявится в будущем. И, как отмечает Д.В. Полетаев, директор московского Центра миграционных исследований, постепенное снятие барьеров вряд ли приведет к полному восстановлению имевшихся до пандемии возможностей для миграции³.

Следует признать, что сомнения по поводу способности Союза выстроить эффективную антикризисную стратегию имеют под собой основания. Ситуация осложняется политическими факторами – нестабильная обстановка в Белоруссии и Киргизии, вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе и др. Средства массовой информации постоянно подливают масло в огонь заголовками: «Евразийский союз шатает от коронавируса», «Коронавирус залихорадил ЕАЭС: партнеры выдвинули друг другу массу претензий», «Убьет ли коронавирус ЕАЭС» и т.п. Однако необходимо учитывать, что в условиях пандемии практически все существующие на сегодняшний день интеграционные объединения демонстрируют разобщенность, а государства, закрывшись в своих границах, предпочитают решать проблемы самостоятельно. В то же время приведенная выше статистика показывает, что внешняя торговля государств ЕАЭС падает быстрее, чем внутренняя. К тому же в первом полугодии взаимная торговля продовольственными товарами выросла на 2,5%, а продажи непищевой сельхозпродукции – на 13%⁴. А это означает, что Евразийский экономический союз при недопущении дезинтеграции внутреннего рынка и гибкой оптимизации имеющихся в наличии ресурсов способен хотя бы частично смягчить для своих участников негативные последствия практически неизбежного мирового экономического кризиса.

Экономический пояс Шелкового пути (ЭППП) – китайская интеграционная инициатива по созданию разветвленной сети трансевразийских экономических коридоров, является частью более масштабного проекта «Один пояс, один путь»/«Пояс и путь» (вторая часть – «Морской Шелковый путь XXI века»), направленного на формирование глобальной транспортной и инвестиционной инфраструктуры. Идея впервые была официально озвучена председателем КНР Си Цзиньпином в сентябре 2013 г. По состоянию на ноябрь 2020 г. Китай в рамках проекта подписал более 200 различных документов о сотрудничестве с 138 странами и 31 международной организацией.

В июне 2020 г. китайская сторона сделала заявление о том, что пандемия COVID-19 негативно сказалась на реализации примерно 60% проектов (серьезно пострадали около 20%, еще 40% затронуты в той или иной степени), однако ни один из них не был прекращен; оставшиеся 40% осуществляются в обычном режиме⁵. В итоге за первые три квартала 2020 г. торговля со странами-участницами «Пояса и пути» достигла 963,42 млрд. долл., а объем прямых нефинансовых инвестиций Китая в эти страны увеличился на 29,7% в годовом выражении, составив 13,02 млрд. долл. Наиболее крупные проекты – строительство железных дорог в Лаос и Таиланд, высокоскоростной железной дороги Джакарта-Бандунг, железнодорожной магистрали Венгрия-Сербия⁶. При этом в целях адаптации к новым реалиям происходит ускорение темпов цифровизации и внедрения новых технологий. Так, например, пандемия «выявила недостатки инфраструктуры в сфере здравоохранения и телекоммуникаций. Ответом... стали инициативы “цифрового Шелкового пути” и “Шелкового пути здоровья”, которые могут сыграть весомую роль в глобальном и региональном посткоронавирусном восстановлении»⁷.

Если говорить о сотрудничестве со странами «евразийской пятерки», то, по данным Китайской железнодорожной корпорации, в первом полугодии 2020 г. число грузовых поездов, которые курсируют между Китаем и европейскими странами через Россию и Казахстан, увеличилось на 36% в годовом исчислении. Несмотря на незначительное снижение (около 6%) взаимной торговли, Китай остается главным партнером государств-членов ЕАЭС в Азии: в январе-августе 2020 г. на него приходилось 20,1% их внешнеторгового товарооборота. При этом китайские инвестиции в страны Союза выросли на 7,9% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Комментируя эти цифры, заместитель министра коммерции КНР Ван Шоувэнь отметил: «Темпы снижения товарооборота между КНР и ЕАЭС

¹ За 9 месяцев грузооборот в ЕАЭС снизился на 6,6% // РЖД-Партнер. 2020. – 19 ноября. – <https://www.rzd-partner.ru/logistics/news/za-9-mesyatsev-gruzooborot-v-eaes-snizilsya-na-6-6/>

² Евразийская «пятерка» оказалась вполне устойчивой к кризису // Ритм Евразии. 2020. 26 сентября. – <https://www.ritm-eurasia.org/news--2020-09-26--evrazijskaja-pjaterka-okazalas-vpolne-ustojchivoj-k-krizisu-51077>

³ Полетаев Д. Миграционные последствия «идеального шторма»: каким будет влияние пандемии коронавируса на проблемы миграции? // Российский совет по международным делам. 2020. – 7 мая. – <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/migratsionnye-posledstviya-idealnogo-shtorma-kakim-budet-vliyanie-pandemii-koronavirusa-na-problemy/>

⁴ Пандемия коронавируса способствовала росту торговли продовольствием и сельхозпродукцией в ЕАЭС / Евразийская экономическая комиссия. 2020. – 26 августа. – <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/26-08-2020-02-01.aspx>

⁵ В КНР заявили, что пандемия негативно отразилась на 60% проектов инициативы «Пояс и путь» // ТАСС. 2020. – 19 июня. – <https://tass.ru/ekonomika/8766085>

⁶ Инициативу Китая по строительству «Пояса и пути» поддержали 138 стран // ИА REGNUM. 2020. – 18 ноября. – <https://regnum.ru/news/economy/3118227.html>

⁷ «Пояс и путь» выработал иммунитет. Важнейшая китайская интеграционная инициатива отметила седьмой день рождения // Российская газета. – М., 2020. – 7 сентября. – <https://rg.ru/2020/09/07/poias-i-put-vyrabotal-immunitet-k-covid-19.html>

значительно ниже в сравнении с другими странами, и мы видим перспективы не только по скорому восстановлению товарооборота до предпандемийного уровня, но и более быстрому его наращиванию. Такие возможности может открыть заключение между нашими странами соглашения о свободной торговле»¹.

Таким образом, Китай в сегодняшней крайне непростой ситуации смог увидеть для себя новые возможности. При этом очевидно, что его способность быстро адаптироваться к нестабильной международной обстановке, вырабатывая эффективные ответы на вызовы и угрозы, породит новые проекты в рамках «Пояса и пути» и привлечет новых участников.

Перспективы развития проекта после 2020 г. В настоящее время мир живет в условиях сверхвысокой неопределенности. Сегодняшний кризис, вызванный фактором, который не смогли спрогнозировать ни ученые, ни политики, стал во всех смыслах уникальным. В результате по всему миру принимаются различные меры, призванные предотвратить дальнейшее распространение COVID-19 – от частичных ограничений в свободе перемещения граждан, работе различных учреждений до полного локдауна и введения режима чрезвычайной ситуации. Процессы глобализации в их традиционном понимании дали сбой, усилились тенденции изоляционизма, резко возросла роль национальных государств. До окончания пандемии трудно прогнозировать, что может случиться даже в ближайшее время. Тем не менее, попытаемся это сделать. К тому же некоторые последствия для Большого евразийского партнерства вырисовываются уже достаточно определенно.

Если понимать под Большой Евразией российский проект, предполагающий, что одним из ключевых центров интеграции станет Евразийский экономический союз, то приходится с сожалением констатировать, что его позиции очень уязвимы. Причем пандемия в данном случае является не причиной, а лакмусовой бумажкой и катализатором негативных процессов (в этой связи уместно вспомнить выражение: «Где тонко, там и рвется»). Как уже отмечалось, проблемы были и до 2020 г., в плане практического наполнения российская концепция Большого евразийского партнерства с самого начала испытывала значительные трудности.

По мнению некоторых российских экспертов, наиболее оптимальным вариантом позиционирования Большой Евразии является макрорегиональное международное сообщество, в основе конструирования которого лежат не история или цивилизационная общность и даже не количество экономических проектов и взаимозависимость, а особое качество и интенсивность политических отношений между образующими его государствами, прежде всего, между Россией и Китаем². С этим утверждением можно было бы согласиться, но возникает вопрос: готова ли китайская сторона к строительству Большой Евразии на паритетной основе, с учетом российских интересов? Очевидно, что паритет возможен при условии, если участвуют партнеры с примерно одинаковыми возможностями. Если же говорить о перспективах сопряжения интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и ЭПШП, то приходится признать, что их масштабы несопоставимы, а возможности Китая (прежде всего, финансовые) намного больше. Поэтому ЕАЭС в данном случае скорее будет являться наиболее значимым участником северного трансевразийского коридора ЭПШП (Китай-Центральная Азия-Россия-Европа) как части беспрецедентного по масштабам интеграционного проекта КНР.

Если же понимать под Большой Евразией сопряжение интеграционных процессов на евразийском материке путем создания торгово-экономических партнерств различных форматов, то можно констатировать, что в настоящее время этот процесс действительно происходит, причем под явной эгидой КНР. Помимо тех успехов, на которые было указано выше, особо стоит выделить подписанное 15 ноября 2020 г. соглашение о создании крупнейшей в мире зоны свободной торговли «Всестороннее региональное экономическое партнерство» (ВРЭП). Кроме Китая, оно включает 10 государств АСЕАН, Австралию, Новую Зеландию, Южную Корею, Японию. Накануне подписания документа Д.В. Мосяков в беседе с журналистами «Независимой газеты» подчеркнул: «ВРЭП – зона свободной торговли, которую пропагандировал Китай... Если соглашение будет подписано, это станет важным фактором интеграции в Восточной Азии... А то, что Россия не упоминается, можно объяснить слабостями и недостатками нашей внешней политики в этом направлении...»³

Вполне вероятно, что закономерным следствием сегодняшних событий станет смена глобального лидера и окончательное закрепление КНР на сверхдержавных позициях. Как отмечает Ф.А. Лукьянов, это обусловлено тем, что Китай раньше других выходит из эпидемиологического форс-мажора. На фоне сложностей, которые переживают США и Европа, китайское руководство обретает уверенность в своей идейно-политической правоте. Именно этого не хватало до недавнего времени Пекину, привыкшему оперировать экономическими категориями, уклоняясь от серьезных геополитических баталий. Теперь же китайская тональность обретает стальные идеологические нотки⁴.

Справедливость этой оценки доказывает онлайн-конференция «Новый евразийский мультилатерализм: ответ Китая и России», которая состоялась 3 ноября 2020 г. в рамках проекта Валдайского клуба Think Tank⁵. На мероприятии обсуждались современное состояние и перспективы развития ситуации в мире и Большой Евразии. Китайские

¹ Сопряжение ЕАЭС с Китаем и Европой – ключевая идея Большого Евразийского партнерства / Евразийская экономическая комиссия. 2020. – 27 октября. – <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/27-10-2020-4.aspx>

² Сулов Д.В., Пятачкова А.С. Большая Евразия: концептуализация понятия и место во внешней политике России // Вопросы географии. Вып. 148: Россия в формирующейся Большой Евразии. – М., 2019. – С. 16–53.

³ Крупнейшую зону свободной торговли создадут без России // Независимая газета. – М., 2020. – 12 октября. – https://www.ng.ru/world/2020-11-12/1_8013_china.html

⁴ Лукьянов Ф. Евразия после пандемии // Российская газета. – М., 2020. – 15 апреля. – <https://rg.ru/2020/04/15/lukianov-v-ekonomicheskoy-sfere-vzaimnaia-izoliciia-nevozmozhna.html>

⁵ Онлайн-конференция «Новый евразийский мультилатерализм: ответ Китая и России» / Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2020. – 3 ноября. – <https://ru.valdaiclub.com/events/own/konferentsiya-otvet-kitaya-i-rossii/>

спикеры в своих выступлениях неоднократно подчеркивали, что пандемия COVID-19, которую Китай победил, а Соединенные Штаты до сих пор не смогли, свидетельствует о закате угрожавшей миру американской гегемонии. Прежняя западнцентричная модель глобализации в скором времени будет сдана в архив, ее место займет новая евразийцентричная модель, в орбиту действия которой постепенно будут вовлекаться страны Европейского союза и других континентов.

Для государств формирующейся Большой Евразии изменение геополитической стратегии КНР открывает как новые возможности, так и порождает новые риски. С одной стороны, очевидно, что взаимодействие с первой экономикой мира по ППС и, скорее всего, уже в ближайшем будущем первой по номинальному ВВП¹ открывает доступ к ее финансовым ресурсам, а трансевразийские проекты Китая в рамках «Пояса и пути» выгодны практически всем участникам. Риски обусловлены, в первую очередь, усилением экономической зависимости от Поднебесной и всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями. Дополнительный риск связан с вовлечением в орбиту геополитической борьбы КНР и США, которая грозит перейти в открытую форму и может вновь, как во времена холодной войны, расколоть мир. При этом главный вопрос заключается в том, какую модель отношений с другими участниками Большой Евразии выберет Китай – гегемонию или лидерство. Неотъемлемой чертой первой являются диктат и подавление; лидерство же предполагает наличие общих интересов у лидера и тех, кто за ним следует, добровольное признание его авторитета. На наш взгляд, есть основания полагать, что Китай все же выберет внешнеполитическую модель, отличную от той, которую явили миру США, поскольку до сих пор он демонстрировал большую способность к просчитыванию вероятных последствий своих действий. Тем более, что китайская дипломатия, исходя из традиций своей политической культуры, не мыслит категориями «здесь» и «сейчас». Интересную мысль в этой связи высказывает С.А. Михеев: «Все, к чему прикасаются китайцы, становится китайским... Если... чего-то и стоит опасаться, так это именно того, что китайцы не теряют своей идентичности на протяжении веков. Они дружат с вечностью. В этом и есть главная китайская угроза и главный урок, который Китай преподносит и России, и всему миру»².

¹ Китай может стать первым в мире – при любом исходе событий // РИА Новости. 2020. – 31 октября. – <https://ria.ru/20201031/kitay-1582348146.html>

² Михеев С.А. Китайская угроза как она есть // Политком.Ру: информационный сайт политических комментариев. 2006. – 19 июля. – <http://politcom.ru/3091.html>